

Составители выражают
искреннюю признательность и благодарность
А. А. Великотному, Г. М. Ширяеву,
Т. Ю. Ширяевой, А. К. Гаврилову
за предоставленные материалы,
а также им и О. М. Беляевой, Н. В. Быковой,
протоиерею Кириллу Копейкину, И. В. Кудряшову,
Н. А. Ломагину, В. И. Поповой, Н. Ю. Черепениной
и П. Г. Розозному за советы и дружескую помощь

Александр Рупасов, Александр Чистиков

*Блокадные дневники:
катастрофа в реальном времени*

Давняя традиция ведения дневников ушла. Времени и потребности каждодневно фиксировать настоящее, которое становится прошлым, и размышлять над ним не остается. Завтра будет завтра, и надо быть готовым к новому событию. Прошлое блекнет и утрачивает связь с несущимся в будущее настоящим. Человек в этом прошлом становится для нас малопонятным, если не загадочным. Жалкие потуги так называемой устной истории — полубесед-полуинтервью с очевидцами событий — в лучшем случае создают некую амальгаму из разновременных эмоций, чувств, размышлений, логические операции историка над которыми порождают искаженную картину.

Дневник, что бы ни побудило за него взяться — желание сохранить происходящее для будущих поколений, или же необходимость некой психологической разрядки, или желание сохранить собственное «я» в нагрянувшем хаосе, — всегда остается поразительным источником, позволяющим заглянуть в мир человека и, через человека, — в Эпоху.

Легко ли вести дневник, даже в спокойное мирное время отважиться доверить бумаге личные чувства, оценку происходящего лично с тобой? Честное письменное слово обладает таинственной и пугающей силой. Многие ли способны возложить на себя бремя ведения дневника? Со времени блокады минуло много десятилетий, находятся все новые и новые дневниковые свидетельства, но их число остается мизерным по сравнению с количеством жителей воен-

ного Ленинграда. Тот, кто брался за перо тогда, должен был быть исключительно сильным человеком.

Дневник для его автора не просто надежный помощник в кризисные времена. Он не только является неким спонтанным личным документом, в основе которого едва ли не сиюминутно переживаемые впечатления. В определенной степени он представляет собой универсальную форму аутокоммуникации, в силу чего независимо от намерений автора приобретает смысл «послания» или «свидетельства». Однако поскольку записи делаются для себя и, следовательно, носят контекстный характер, то заключенный в дневнике «архив воспоминаний» не может порой не вызывать у стороннего читателя недопонимание, вопросы, а у историка искреннее желание найти для них ответы, признавая при этом, что объективную оценку личности автора дневника дать довольно затруднительно. Эмоциональные всплески, которые фиксируют в том числе и страницы ниже публикуемых дневниковых записей, выявляют такие грани личности, которые непозволительно сводить к некому простому образу страдающего человека. Но что действительно должно поражать, так это то, что за переживанием горя, нескрываемым ощущением безысходности таится сильная воля.

Много ли мы знаем о блокаде, об этой растянувшейся на годы катастрофе? И да и нет. После захвата немецкими частями 8 сентября 1941 г. Шлиссельбурга Ленинград оказался оторванным от Большой земли. Это — общепринятая дата начала блокады. Многие ли из жителей города узнали тогда о начале страшного, рокового для многих отсчета времени? Ведь даже пять дней спустя заместитель наркома иностранных дел Алексей Лозовский, интервью которого иностранным журналистам перепечатала «Ленинградская правда», заявлял: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением». Лозовский умолчал о том, что еще 30 августа немецкие части заняли Мгу и тем самым перерезали последнюю связывающую город с остальной страной железную дорогу.

Безусловно, кто-то догадывался, что военная ситуация крайне плоха. Эвакуация была прекращена еще до захвата немцами Шлиссельбурга. Если введение карточной системы постановлением СНК СССР от 18 июля, которым устанавливались нормы выдачи хлеба (для рабочих и ИТР — 800 граммов, служащих — 600, иждивенцев

и детей — до 12 лет — 400 граммов в день), было только первым тревожным сигналом, не предвещавшим появления немцев под Ленинградом, то августовские дни стали вызывать уже не тревогу, а страх перед будущим. Вскоре последовали резкие ограничения в продаже продуктов питания и предметов первой необходимости, переход к разовым выдачам (первоначально речь шла только о хозяйственном и туалетном мыле, но в сентябре в перечне оказались уже спички — рабочим по 6 коробков, иждивенцам — по 3, чай — по 25 и 12,5 грамма соответственно, яйца — по 10 и 5 штук). Из кондитерских и булочных, после проведенной в июле экстренной инвентаризации, исчезли сахар, печенье, пряники, сладкая сдоба и т. п. Ограничения на выдачу наличных из сберкасс породили очереди на сдачу вещей, антиквариата и изделий из драгоценных металлов в комиссионные магазины. Почти опустели рынки. Все это, как и начавшийся процесс ликвидации заведений, торгующих по коммерческим ценам, не могло остаться незамеченным. Сводки с фронтов были все менее утешительными. Становилось понятным, что скорого окончания войны не предвидится. Еще не было налетов немецкой авиации на город, многочасовых артиллерийских обстрелов, но тревога за будущее становилась все сильнее.

За первым артиллерийским обстрелом 4 сентября — 6 сентября последовала первая авиационная бомбардировка. Эти события с неизбежностью должны были доказать наиболее оптимистично настроенным горожанам, насколько тяжела ситуация на фронте, насколько близко враг подошел к городу. Со 2 сентября норма продажи хлеба по карточкам была снижена. Дымы от пожаров на продовольственных Бадаевских складах 8 сентября не мог видеть только слепой. Город переполнили тревожные слухи. Три дня спустя исполком Ленгорсовета ввел ограничения на потребление электричества, а еще день спустя нормы отпуска по карточкам были вновь сокращены. Однако публично признать, как записывала в своем дневнике 16 сентября И. Д. Зеленская, что «по-видимому, уже не осталось щелки для свободного выхода», власти так и не решились. Только в опубликованном в «Ленинградской правде» 9 ноября 1941 г. тексте выступления на общегородском митинге по случаю годовщины Октябрьской революции командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта М. С. Хозина впервые было открыто признано: «...гитлеровские полчища охватили город кольцом блокады».

Жизнь в городе затаивалась, замирала. 13 сентября по распоряжению Военного совета фронта были отключены все телефоны инди-

видуального пользования. С наступлением вечера город погружался в темноту — плотно зашторенные окна домов не должны были пропускать и малейшего лучика света. Положение с продуктами неумолимо ухудшалось. Правда, в октябре в дополнение к прежним разовым выдачам рабочие, служащие и иждивенцы получили по 0,5 литра водки, кроме того, рабочим выдали по 2 литра пива (остальным — по 1,5 л). Если месяцем ранее детям до 12 лет выдали по 300 граммов сметаны, то следующего подобного события им пришлось ждать два месяца, а затем забыть о таких подарках на год.

Возможно, начало зимы 1941–1942 гг. было бы не столь катастрофично для горожан, если немцам не удалось бы захватить 8 ноября Тихвин и тем самым перерезать последнюю железную дорогу, по которой подвозились грузы к побережью Ладожского озера, откуда на судах они доставлялись затем в Ленинград. Всего через пять дней после этого хлебный паек был снова урезан. Прошла неделя — и новое уменьшение пайка. Формально это было последнее снижение норм выдачи, но это не значило, что по своей карточке горожанин всегда мог получить свой ломтик хлеба. Каждый выживал как мог. В еду шло практически все, что можно было разжевать и проглотить. Бегающих по улицам кошек не осталось. Правда, далеко не все могли заставить себя есть кошачье мясо и пытались обменивать его на что-либо иное. У кого оставались силы — шел на Неву, пробивал лунку и ловил рыбу. Таких смельчаков было немного.

Голод был лишь одной бедой. С 17 ноября в дома перестали подавать электричество — запасы топлива для электростанций истощались, пополнять их было неоткуда. Городские власти слишком поздно спохватились и не смогли вовремя организовать работы по слому деревянных домов, по изготовлению комнатных печек — «буржук». Только 24 декабря, когда уже давно стояли нестерпимые морозы, горком ВКП(б) и исполком Ленгорсовета приняли постановление о разборке деревянных сооружений и зданий, с оговоркой — в районах, подвергшихся разрушениям. За отключением электричества последовало отключение центрального отопления, хотя батареи в домах уже в ноябре были еле теплыми. К отключению отопительных систем властям пришлось прибегнуть 6 декабря. Следствием этой вынужденной меры стало то, что в домах исчезла вода, перестала работать канализация, во дворах центральной части города стали воздвигаться разных форм и размеров сооружения, в которые выливались нечистоты. Элементарное соблюдение личной ги-

гиены теперь требовало огромных физических усилий и воли. Не у всех этого было в достатке. Быстро расплодившиеся вши не давали покоя горожанам, пока весной 1942 г. городским властям не удалось наладить функционирование нескольких бань. Голод и холод многих лишали последних сил, лишали воли, желания жить. Артобстрелы и бомбежки уже не побуждали, как в первые недели блокады, бежать и прятаться в бомбоубежищах. Складывается впечатление, что мерный стук метрономов стал для горожан настолько привычным, что на него переставали обращать внимание.

Впрочем, в ноябре — декабре 1941 г. имели место три вселявших надежду события: 22 ноября началось движение по Военно-автомобильной дороге № 101 через Ладожское озеро — так называлась тогда будущая Дорога жизни. 9 декабря был освобожден г. Тихвин, а 25 декабря впервые были повышены нормы хлебного пайка. Особенно последнее событие породило у горожан всплеск надежд на улучшение положения с продовольствием. Однако, поскольку в силу объективных причин (погодные условия, налеты немецкой авиации, отсутствие необходимого количества ремонтных баз, да и самих автомобилей) бесперебойное движение по Дороге жизни организовать было крайне сложно. Значительная часть грузов имела военное назначение (для частей Ленфронта, помимо пополнения личного состава, требовалось устранение дефицита боеприпасов, вооружения). В силу этого сколько-нибудь быстро поправить ситуацию с продовольствием было невозможно. В ноябре — очередная годовщина Октябрьской революции. По этому случаю рабочим выдали по 100 граммов шоколада, служащим и иждивенцам — по 200. Дети остались без сладкого, но получили сметану, 100 граммов натурального кофе и 100 граммов картофельной муки. Всем категориям горожан, правда, выдали еще по 200 граммов соленых помидоров. Но изменить положение это не могло. В городе началось время, которое блокадники называли «смертным».

Дистрофия уверенно собирала свою жатву: за январь 1942 г. в городе умерли 101 868 человек, следующий месяц также оказался богат на человеческое горе — умерли 108 029 человек. На конец января — начало февраля приходится особо резкий скачок смертности: из-за дефицита электроэнергии произошли многодневные перебои с выдачей карточек и выпечкой хлеба. Отнюдь не единичными стали случаи трупоедства и каннибализма. Городские власти предпринимали жесткие меры, чтобы пресечь эти явления.

Количество умерших было настолько велико, что похоронные команды не справлялись с захоронением. Покойников складировали, например, в бывших казармах Семеновского полка на Звенигородской улице. Вдоль берегов Обводного канала трупы лежали до весны. Наступавшая весна грозила всплеском заразных заболеваний. Это подтолкнуло исполком Ленгорсовета принять 7 марта 1942 г. решение о создании на Кирпичном заводе № 1 крематория (на территории нынешнего парка Победы).

Нельзя забывать о том, что за получаемый по карточкам хлеб и другие продукты, за свою квартиру или комнату в ней, за посылку писем — за все это и в блокаду следовало платить. Если у блокадника была работа или денежный аттестат на семью офицера — у него были деньги. В противном случае нужно было продавать что-то из своего имущества, так как должников по квартплате могли переселить в меньшую комнатку, а то и вовсе лишиться жилья.

Черный рынок, в отличие от людей, не умирал. Количество следственных дел, связанных с хищениями в госпиталях, на продуктовых складах, в магазинах, не может не удивлять. Примеров не счесть. Так, случайная проверка «деятельности» буфетчиц филиала № 1 столовой № 13 показала, что всего за декабрь 1941 г. на сторону ушло 657 килограммов хлеба (т. е. пайки для нескольких тысяч детей). Самый простой способ хищения в магазинах — наклеивание отрезанных купонов с карточек на таблицу с некоторым смещением — к концу каждой строки можно было выгадать 2–3 дополнительных пайка.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации с продовольствием весной, истощенные голодной зимой горожане продолжали умирать десятками тысяч. В марте 1942 г. жизнь покинули еще почти 96 тысяч человек, в апреле — более 81 тысячи, в мае — более 53 тысяч.

Тем не менее Ленинград понемногу оживал. Уже в марте горожане довольно дружно взялись за уборку улиц, скверов, домов. С середины апреля стали регулярно ходить трамваи. Один из блокадников вспоминал, что когда он увидел дерущихся мальчишек, то понял, что жизнь возвращается. В мае по призыву городских властей население без понуканий взялось за разведение огороδικов. Практически все доступные участки земли оказались вскопанными и засеянными овощными культурами. Полученная с огородов в конце лета прибавка к пайку оказалась далеко не лишней. Голодная смерть постепенно отступала. Страшной напастью оставались почти ежеднев-

ные артиллерийские обстрелы, длившиеся по несколько часов. Но, несмотря на это, радость от того, что посчастливилось пережить жуткую зиму, была велика. Многие не отказывали себе в удовольствии позагорать на солнце, побродить в парках и садах, искупаться в прудах.

До прорыва блокадного кольца — 18 января 1943 г. — оставалось еще долго, но у горожан крепла вера в то, что худшее осталось в прошлом. Однако здоровье многих прошедшая зима подкосила настолько, что усиленные пайки и ставшие более доступными лекарства уже не могли спасти их жизнь.

Страницы воспоминаний, писем, документов напоминают порой страницы Апокалипсиса, создают образ города как всепоглощающей могилы, в ненасытной утробе которой исчезли сотни тысяч детей, женщин, мужчин.

Публикуемые в этой книге дневники Ирины Дмитриевны Зеленской и сестер Веры Константиновны Берхман и Татьяны Константиновны Великотной объединяет не столько прежняя сословная принадлежность их авторов — все они были из «бывших», т. е. из дворян, — сколько поразительное отношение к жизни, исключительная душевная красота, искренность.

Строки этих дневников не только помогают ощутить жуткую реальность происходившего, они раскрывают перед нами мировосприятие трех женщин, избежавших душевного очерствения и безволия, поглотивших в блокаду многих горожан.

Ранее всем трем довелось увидеть немало человеческих страданий. В годы Первой мировой войны они были сестрами милосердия. Та война выковала характер Ирины Зеленской. На всю жизнь она осталась целеустремленным, стойким, принципиальным, бескорыстным человеком, готовым прийти на помощь. В блокаду ее поражало, как люди «до ужаса становятся неустойчивыми», как быстро «масса превратилась в первобытное состояние и даже почти не борется, а безропотно погибает». Она не изображала из себя борца, она таковым являлась по природе. Ее дневник, после войны заботливо перепечатанный ею на машинке, не может не удивлять четкостью мыслей, психологическим анализом поведения окружающих людей. Впрочем, давая оценки другим, она не забывала критически, как бы со стороны, взглянуть и на себя.

Татьяна Великотная обладала совсем иным характером. Как искренне верующий человек, она с поразительным смирением переносила

сила обрушившиеся на нее несчастья. Она не умела постоять за себя. Она понимала, что ей не выжить. Рядом с ней не было никого. Муж умер от истощения. Сын Александр находился в армии. Предчувствуя, что больше никогда не увидит сына, она и вела обращенный к нему дневник.

Верочку Берхман Первая мировая война сделала верующей. Постепенно ее библиотека пополнялась религиозной литературой и, судя по всему, к началу Великой Отечественной войны достигла довольно внушительных размеров.

Когда 1 апреля 1942 г. умерла Татьяна, Вера Константиновна решила как бы продолжить ее блокадный дневник. Ее дневниковые записи отличаются от дневников Ирины Зеленской и Татьяны Великотной. Временами от отчаяния она готова была уйти из жизни. Но, в отличие от тех, кто в оцепенении душевных сил просто ждал конца, она стремилась предстать перед Творцом преисполненной спокойной и чистой любви. Эта цель требовала — а в условиях блокады особенно — колоссальных психологических усилий. Постепенно, но все настойчивее и настойчивее Вера изгоняла из своей души малейшие проявления черствости, эгоизма («Начала с Б[ожией] помощью приневоливать волю к добру»). Блокада не сломила ее — напротив, преобразила, сделала совсем другим человеком.

Авторы дневников не задавались вопросом, защищают ли они Ленинград. Они защищали его самим фактом своего существования. Блокада была для них данностью. Они жили в этой данности, и в этом был их ежедневный подвиг.

Публикация этих дневников — дань памяти трем петербурженкам-ленинградкам, оставившим нам свидетельство, как можно оставаться человеком в самое страшное время.

* * *

Дневник Т. К. Великотной был полностью опубликован в сборнике «Человек в блокаде. Новые свидетельства» (СПб.: Остров, 2008), а дневник И. Д. Зеленской — в сборнике «„Я не сдаюсь до последнего...“: Записки из блокадного Ленинграда» (СПб.: Нестор-История, 2010). Дневник и письма В. К. Берхман впервые были опубликованы в сборнике «Записки оставшейся в живых» (СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014).

Т. К. Великотная

Дневник
нашей
печальной жизни

Татьяна Константиновна Великотная родилась 18 января 1894 г. Ее отец, обрусевший прибалтийский немец Константин Александрович Берхман (1856–1920), был женат на Александре Борисовне Хвостовой (1853–1924), дочери сенатора, тайного советника Бориса Николаевича Хвостова (1815–1883) и Надежды Ивановны Красновой (1839–?). У Татьяны было две сестры — Ольга и Вера — и брат Александр.

К. А. Берхман был лютеранином по вероисповеданию, однако все его дети были крещены в православии. Он окончил Императорское училище правоведения (наб. р. Фонтанки, д. 6). Вся его жизнь в дальнейшем была связана со сферой юстиции. Пройдя по ступенькам служебной лестницы от следователя в г. Старая Русса до старшего нотариуса Псковского окружного суда, К. А. Берхман в 1912 г. получил чин действительного статского советника и занял должность товарища председателя Петербургского окружного суда. В январе 1920 г. он скончался в Житомире от тифа.

Берхманам принадлежало красивейшее имение Скоково в Псковской губернии. Их дети на всю жизнь сохранили самые светлые воспоминания о Скокове, где семья проводила каждое лето. Увлечения семьи были разнообразны. Летом — спорт, лошади, домашние театральные постановки. Мать и дети играли на фортепьяно, много читали. Отец серьезно занимался живописью, рисовал акварелью, углем, писал маслом. В 1995–2007 гг. в экспозиции музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» выставлялось семь рисунков К. А. Берхмана из архива его внука, А. Н. Великотного.

В Петербурге семья жила на Большой Зелениной улице в доме № 9 (ныне — № 13). Сестры окончили женскую Василеостровскую гимназию ведомства императрицы Марии Федоровны. В этом заведении обучались девушки из самых разных слоев общества.

Татьяна Константиновна рано начала сочинять стихи. Будучи гимназисткой, печаталась в газетах и журналах. Любила стихи поэтов Серебряного века. В 1914 г. выпустила поэтический сборник «Первые песни», передав экземпляр с посвящением своему троюродному брату Александру Блоку. В 1915 г. она блестяще окончила Императорский женский педагогический институт (был единственным женским институтом в России, который признавался Министерством народного просвещения в качестве высшего учебного заведения). В мае 1917 г. Татьяна вышла замуж за выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Николая Александровича Великотного (1887–1942), которого знала с детства. Во время Первой мировой войны он поступил вольноопределяющимся в Михайловское военно-инженерное училище, был произведен в подпоручики, воевал. 14 августа 1922 г. у четы Великотных родился сын Александр.

В 1920–1930-х гг. Т. К. Великотная преподавала в школе русский язык и литературу. Н. А. Великотный был преподавателем физики и математики в школе и техникуме, а с 1937 по 1941 г. работал инженером «Теплоэнергопроекта». Супруги чудом избежали репрессий.

Н. А. Великотный умер 22 января 1942 г.

Т. К. Великотная — 1 апреля 1942 г.

Александр, которому посвящен публикуемый дневник Т. К. Великотной, окончил в 1944 г. ВМУ им. Фрунзе. Воевал, дважды был награжден орденом Красной Звезды, дважды — медалью «За боевые заслуги». Вышел в отставку в звании капитана 1 ранга. В феврале 1945 г. он женился на Марии (в дневнике Т. К. Великотной — «Мусе») Георгиевской (1921–2013), с которой дружил со школы. Мария была дочерью священника, протоиерея Дмитрия Георгиевича Георгиевского (1877–1942). Она помогала Татьяне Константиновне до самой ее кончины.

А. А. Великотный

Последние дни папы

Саша, для тебя пишу я эти скорбные строки. Ты отделен от меня тысячами километров, и нет надежды на нашу скорую встречу. Но если Бог судил тебе вернуться домой в Ленинград, а мне дожить до твоего возвращения, то многое может уже стереться из моей памяти всеразрушающим временем, а я хочу, чтобы ты знал, какие тяжелые минуты пережили мы в эту страшную зиму 1941–1942 годов.

Ты, конечно, представляешь себе, что я должна была переживать, видя закрытые и пустые магазины, ежедневно наблюдая исчезновение продовольствия. Мы, однако, бодро держались с отцом, пока действовала овощная столовая при совхозе, куда я поступила 26/VIII, еще при тебе, и, когда мне выдали 100 кг картофеля и 30 кг капусты, я временно успокоилась и готовила обеды из этих двух продуктов и еще 15 кг ржаных отрубей. Между тем началось быстрое снижение хлебного пайка¹, и вот тут папа сказал мне раз за обедом: «Я мог всегда дольше тебя выносить голод за день, а теперь чувствую, как похудел и как не хватает хлеба». Мы старались поддерживаться лепешками из этих ржаных отрубей и кашей-саламатой², но вот запас кончился, овощная столовая с ноября закрылась, наступили ранние зимние холода, и нам пришлось каждое воскресенье брать пищу из совхоза и пилить дрова. Когда нас посадили (служащего и иждивенца) на 125 г хлеба³, то мы скоро осознали свое бессилие, пила падала из рук, папа с трудом колол дрова, а к середине декабря перестал носить воду из колодца. За период с 15 ноября по 15 декабря мы съели собаку, ко-

торуую я по легкомыслию (в чем и каюсь) взяла от Е. Л. Франка, и двух кошек. Последнюю кошку папа заготовил с 2/1, и я еще имела возможность варить суп из ее шкурки.

Мы ели это мясо без всякого отвращения и даже с аппетитом из-за голода, но плохо было то, что в ноябре и дек[абре] не было никакой выдачи жиров и крупы⁴, так что приходилось есть пустые бульоны из мяса этих животных. За этот же период времени наша милая соседка, а теперь моя дочка Катюша питалась с Лидочкой по карточке (рабочего) Дм[итрия] Ивановича, которого взяли в ополченцы в конце октября, и так оба наши хозяйства не имели контакта, за исключением тех случаев, что я несколько раз давала картошку, что вызывало всегда у папы протест. Два раза я дала по хорошей порции картошки Вере, и мы видались часто до разрушения трамвайн[ой] сети, пока нас не отрезали от города.

Я работала бесперебойно в совхозе, и папа часто приходил ко мне, то встречать, когда я шла домой, прогуливая собаку, то заходил за мной, и мы по дороге еще заглядывали в лавки или выкупали свой хлеб. В моей же комнате, где я работаю, помещается стол инженеров. От Треста назначили к нам инж[енера] Н. Н. Галкина, человека очень вежливого и обходительного, но не чуткого по душе. Папа несколько раз просил Галкина провести его, т. е. папу, ИТРОм по нашему совхозу для раб[очей] карточки, а тот все тянул, боялся, что папа м. б., займет его место (?)*. Папа же начал слабеть от отсут[ствия] хлеба и говорил мне, что хотя многие тают и слабеют, но у них есть моральная поддержка, здесь же, при соприкосновении с Галкиным, папа натывался всегда на недоговоренность или получал приглашение «завтра зайти потолковать». Папа составил с сентября по 15 дек[абря] 4 сметы на ремонт домов, водоснабж[ение] совхоза и т. д., а 16-я стройконтора все не платила денег. Накануне папиной смерти я с его слов записала все счета и передала прорабу Н. И. Климову. Полагается папе по-

* Так в тексте. Составители предполагают, что здесь и далее вопросительный знак появился при перепечатке и обозначает не совсем точное прочтение этого места в оригинале.

лучить 1214 руб., а я сомневаюсь, что получу их, так теперь люди бессовестны. Об этом еще напишу дальше. С 15 дек[абря] мы все остались без электр[и]ч[еского] света. Сожгли последние свечи и перешли на коптилки. Я разбила в темноте два раза лицо, из-за темноты погибло у нас 6 чашек, в том числе и твои голубые. Мы опустились, заросли грязью. У папы руки не отмывались от копоты, сажи и угля. Готовили обед в большой печке в папиной комнате. В печке были 2 кирпича, на них железка, на железке судки. Так как я прихожу из с/х поздно, не раньше 6–7, то обедали при коптилке, а то и в совершенной темноте, при отблеске углей из печки.

18 декабря в с/х выдали потрясающий паек: 2 кг дуранды⁵ и 5 кг овсяной пыли. Чтоб выписывать рабочим талоны, меня бухг[алтер] посадил в холодное помещение — теплицу, и я оченела там так, что зубы стучали. Это было начало наших несчастий — корень зла.

С 20 на 21-е я была дежурная ночная по с/х. Пришла домой, папа ждал меня с обедом (ели кошку) и дал мне твое письмо от 6/X с описанием страшной катастрофы в Лад[ожском] озере⁶. Прочтя о смерти Андрея, я заплакала и не могла читать дальше, взяла письмо с собой на дежурство. Папа пришел ко мне туда же через час, т. к. мы хотели поймать собаку ветврача Щеголева. Нам обещала помочь в этом деле моя сослуживица-комсомолка. Распределили роли неудачно, папа пошел с нею, а я, взяв поводок, собака от меня вырвалась и убежала, а папа пошел домой ни с чем. Этой ночью я промочила валенки, была оттепель, сырой снег, а печку с субб[оты] на воскрес[енье] у нас не топили. В ночь с понед[ельника] на вторник я заболела гриппом. Папа из холодной комнаты перебрался спать в мою. Мы спали для тепла полуодетыми в фуфайках, кальсонах, рейтузах, чулках, и я не имела случая видеть прогрессирующую худобу папиного тела. Я это увидела в январе. Потянулись ужасные дни.

С 23/XII я лежала до 10/I. Бюллетень явился только «оправдат[ельным] документом», в с/х правило оплачивать лишь тем, кто служит 6 мес[яцев], а у меня всего 4. Папа самоотверженно выхаживал меня, с утра уходил за хлебом в лавки, в совхоз —

Содержание

<i>А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков</i> Блокадные дневники: катастрофа в реальном времени	7
<i>Т. К. Великотная.</i> Дневник нашей печальной жизни	15
<i>В. К. Берхман.</i> Записки оставшейся в живых	75
Письма В. К. Берхман к Е. П. Богдановой	218
<i>И. Д. Зеленская.</i> Когда я буду занята, то буду счастлива	227
Комментарии	
<i>В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков</i>	438
Хронология событий в Ленинграде в июне 1941 — мае 1945 года	
<i>В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков</i>	473

3 32 Записки оставшейся в живых : Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 480 с. + вкл. (16 с.). ISBN 978-5-389-24120-6

На сегодняшний день известно несколько сотен дневников жителей осажденного Ленинграда. Но, несмотря на общность времени, места и чудовищных обстоятельств, породивших этот уникальный коллективный текст блокадного города, каждый из них поражает нас особо. За строками каждого — история столкновения личности с катастрофой исторического масштаба, катастрофой, растянувшейся на годы и подробно зафиксированной очевидцами в реальном времени. «Страницы воспоминаний, писем, документов напоминают порой страницы Апокалипсиса, создают образ города как всепоглощающей могилы, в ненасытной утробе которой исчезли сотни тысяч детей, женщин, мужчин...»

Тем более поразительными и поистине жизнеутверждающими оказываются те дневниковые записи, за которыми, вопреки ужасу блокадной повседневности, отчетливо видна несломленная цельная личность. Таковы публикуемые в этой книге дневники Ирины Дмитриевны Зеленской и сестер Веры Константиновны Берхман и Татьяны Константиновны Великотной. Личные дневники — особый вид литературы: за отдельными исключениями, сторонний читатель оказывается допущен к этим текстам случайно. Но ценность блокадных дневников уникальна и непреходяща: в те страшные дни они служили отдушиной своим авторам, в наши дни — дарят невымышленные примеры жизненной стойкости, утверждая в мысли, что даже в нечеловеческих условиях возможно оставаться человеком.

УДК 82-94
ББК 63.3

Литературно-художественное издание

ЗАПИСКИ ОСТАВШЕЙСЯ В ЖИВЫХ

Блокадные дневники
ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКОТНОЙ,
ВЕРЫ БЕРХМАН,
ИРИНЫ ЗЕЛЕНСКОЙ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Наталия Соколовская

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректор Валентина Гончар

Подписано в печать 26.09.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 30,38 (вкл. вклейку).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака КоЛибри®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

V-APR-33079-01-R